[Она, должно быть, заметила, как мое перо замерло на бумаге, а глаза расширились, потому что она подносит ладонь ко рту и тихонько хихикает. Несколько секунд она молчит, видимо, ожидая, что я начну жаловаться. Я не жалуюсь]

Я прошу прощения, что дергаю вас за ногу, но я не могла упустить такую возможность. Я люблю вести своих читателей на поводке, а потом время от времени резко дергать его. Это заставляет их быть начеку.

Но да, вы правы, я полагаю, нет смысла больше откладывать.

За два дня до Праздника урожая в бухтах Вермилиона произошла небольшая стычка между силами Канто и Синноха. По их словам, это была битва, разыгравшаяся по ошибке, что, я полагаю, стало верным предвестием войны, которая разразится много лет спустя. Битва зашла гораздо дальше, чем предполагалось, и в результате было несколько погибших и несколько десятков раненых, как мирных жителей, так и покемонов.

Утром пришло письмо, и я впервые за несколько недель увидел, как мама хмурится. Комитет Лиги вызывал Блисси на службу, и она должна была явиться в городские доки через два часа. Я и по сей день не знаю, почему они не позвали мою маму: возможно, у них и так было достаточно медсестер и они отчаянно нуждались в невероятных регенеративных способностях Блисси.

Иногда я задаюсь вопросом, что было бы, если бы моя мама уехала. Возможно, я бы сейчас не разговаривала с вами, но, опять же, в ее возрасте она бы тоже не стала. Это не... продуктивно - думать о том, что если бы, и все же...

Я прошу прощения. Как я уже сказал, Блисси уехала в тот день, и вскоре после этого начался ад. Это было не так быстро, как вы можете себе представить, но и не так медленно, как мне хотелось бы.

Первый признак того, что что-то не так, появился во время обеда, когда нам пришлось довольствоваться старой пачкой макарон с искусственными ароматизаторами. Я не заметила разницы в еде, поскольку все равно никогда не ела яиц, но мои родители заметили. Я наблюдал за тем, как их улыбки медленно сходят на нет, и не успел оглянуться, как на их глаза легла странная тень. Некоторое время они относились ко мне и друг к другу с обычным уважением и непринужденностью, по крайней мере пока мы ели.

Несколько часов спустя отец случайно уронил на пол чайную чашку, разбив ее на мелкие фарфоровые осколки. Он выругался под нос, а мама рядом с ним бросила на него разочарованный взгляд, который быстро постаралась скрыть.

После обеда они начали обсуждать армию Канто и ее споры с окружающими регионами. Началось все цивилизованно, но к концу стало ясно, что они доставляют друг другу массу неприятностей, просто высказывая свое мнение.

На следующее утро мама не проснулась в девять, как это было всегда, сколько я себя помню. Она спустилась из своей комнаты около двенадцати, с огромными мешками под глазами, и пошла на кухню, чтобы приготовить себе чашку черного кофе. Еще до того, как она поднесла ее к губам, я увидел, что ее пальцы подергиваются, а свободная рука судорожно теревит выцветшую голубую ткань ночной рубашки. Я пытался убедить себя в том, что стук ее зубов - это всего лишь Спиру, которые снаружи клевали деревья.

Ночью они впервые крупно подрались. Отец жаловался, что еда не такая вкусная, как он привык, а мать не давала ему покоя. Они кричали друг на друга весь ужин, а я изо всех сил старался исчезнуть в своем кресле.

«Наверное, это было ужасно - снова увидеть их такими».

О, вы даже не представляете. Я хотела верить, что нахожусь в каком-то извращенном кошмаре, я не могла принять тот факт, что наши жизни возвращаются в прежнее русло. Но я ничего не могла поделать, поэтому я смотрела в стол, ела и молилась, чтобы это прошло.

Но это не прошло. С каждым днем ссоры становились все хуже и хуже, и они стали... Я не решаюсь оскорблять наркоманов, сравнивая их с моими родителями, но именно это они мне и напоминали. Я заставал их прислонившимися к стене и тихо шептавшимися с самими собой несколько минут подряд. Они бились обо все подряд, как будто не видели, что перед ними. Царапины на стене, рвота, приступы ярости и насилия - со временем становилось только хуже.

В ту ночь меня разбудил звук отцовского молотка, ударившего по носу моей матери. Я, конечно, не знал этого в тот момент, но понял, как только спустился вниз, все еще протирая глаза от сна. Я видел, как ее тело отбросило к стене, слышал звериные крики ярости, с которыми они бросались друг на друга, и видел, как мамина рука легла на ящик за ее спиной, а пальцы сомкнулись на рукоятке кухонного ножа.

<http://tl.rulate.ru/book/115544/4513237>